

ТАМ, ГДЕ
цветут
РОЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дэйдрим Дэйдрим

Там, где цветут розы

<https://litres.ru/74242532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда судьба сводит двух людей в самый неподходящий момент. Когда один уже почти связан обещаниями, а второй привык забирать то, что хочет, не спрашивая разрешения.

Шрамы бывают не только на теле, но и на душе, а настоящая близость требует смелости — гораздо большей, чем кажется на первый взгляд. Это история о том, как страшно и сладко наконец-то позволить себе почувствовать. История страсти, которая вспыхивает вопреки всему.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Оливия	13
Глава 2. Эрон	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дэйдрим

Там, где цветут розы

Пролог

— Просто обещай мне, что вернешься к субботе.

Аполло был взбешен. Его голос звенел, как натянутая струна, готовая лопнуть и отсечь мне яйца. И если честно, у него было полное право злиться на меня. Я обещал быть дома в понедельник. Сегодня уже четверг, а я все еще хрен знает где.

— Я буду в субботу, — сказал я, пропуская горсть золотистых листьев сквозь пальцы. Сожженные солнцем, они моментально крошились в труху. — Ничто не остановит меня на пути к маминому стейку.

— Будет не только стейк, мудила, — съязвил брат. — Мясной пирог, куриная похлебка, морковный торт. Все то дерьмо, которое ты пожирал как гребаный греmlin, когда мы были мелкими.

Его слова ударили глубоко — туда, куда я предпочитал не заглядывать. Слово «дом» всегда приносило с собой приятную тоску. Родное место, которое пахло розами, купающимися в солнечных лучах, и жареным мясом с папиного гриля. Одно лишь это слово будило воспоминания о ветре, иг-

равшем с кронами деревьев, на которые мы с Аполло постоянно лезли, царапая босые ноги и ставя синяки. О мягких стопах в темноте, когда мы убегали на утес с девчонками, пахнувшими летом и сексом.

Эти воспоминания тянули меня назад. Я любил возвращаться домой. Но уезжать любил еще больше. Потому что мое сердце билось неправильно, если я не находился в самом центре хаоса.

— Я могу хотя бы узнать, где ты, блять, сейчас? — голос Аполло упал на октаву ниже. Это могло значить только одно — мама рядом.

— Где-то, где очень жарко и очень влажно, — я закрыл глаза, подставляя лицо закату, пробивавшемуся сквозь тропические кроны. — Джунгли, поющие птички, ядовитые жу-

ки, которые пытаются меня угандошить. Райское место.

— Отлично. Скажу ей, что ты на острове трахаешь супер-модель, между делом попивая маргариты.

Я засмеялся.

— Пусть будет две. Скажи, что все это в сугубо дипломатических целях.

Мама ненавидела мою работу так, как может ненавидеть только вдова, выплакавшая все слезы по мужу. Она называла ее «самоубийственной». Говорила, что если я действительно люблю ее, то брошу и перестану играть со смертью. Поэтому для нее я занимался «международной дипломатией». И брат всегда меня покрывал.

«Он укрепляет международные отношения, ма».

Но Джун Экхард была слишком умной женщиной, чтобы хоть на секунду поверить в нашу брехню. Потому что мои шрамы не умели лгать. Каждый раз, когда я входил в парадную дверь поместья, мама смотрела на меня как на призрака — словно в любой момент вместо моей улыбающейся рожи ей могли вручить сложенный флаг.

Тень скользнула в боковом зрении. Бигль подал сигнал.

— Мне пора валить, — оборвал я Аполло. — Увидимся в субботу.

— Ага... давай осторожней, чувак, — пробурчал брат, прежде чем связь прервалась.

Я сунул телефон в карман. Кровь начала закипать от прилива адреналина.

Скоро я буду дома.

А сегодня мне нужно просто выжить.

Я поднялся, разминая затекшие мышцы. Позвонки в шее хрустнули. В это время года джунгли превращались в настоящую топку. Густой, липкий воздух обволакивал кожу плотной пленкой. Капли пота катились по спине, насквозь пропитывая футболку. Пожалуй, сейчас я продал бы душу за бутылку ледяного пива и прохладный ветерок.

— Маркос зашел в здание, — раздался в наушнике голос Бигля. — Мы готовы выдвигаться по твоей команде.

Тринадцать месяцев.

Столько мы охотились за Родриго Маркесом. Тринадцать ебаных месяцев смерть дышала ему в затылок. Три континента. Две взорванные к чертям базы. Десятки невинных и почти сотня головорезов.

Маркес был не просто очередным псом картеля. Он был чертовым королем всего Восточного побережья. Богатая, влиятельная, тщательно охраняемая скользкая змея. Он сидел на вершине пищевой цепи, пока Бюро не прижало вашингтонских политиков и не заставило их подписать контракт на его устранение.

Мы были не единственными, кто шел за Маркесом. Три другие группы тоже охотились за ним. Я всех их знал. С одними тренировался, с другими дрался в баре на авиабазе. Но мы нашли его первыми.

Я медленно выдохнул, пальцы плотнее обхватили рукоять

винтовки, щелчком снимая предохранитель.

— Погнали.

Земля вокруг была минным полем. В прямом и переносном смысле. Золотистые листья шуршали под ногами, превращая любое движение в тактический кошмар. Один неосторожный шаг и джунгли начинали кричать о нашем приближении. Мины, растяжки, колючая проволока. Жуки и дремлющие змеи, чей яд парализует за тридцать секунд. Каждый шаг мог стать последним.

Но я не обращал на это внимания. Сеттер молча обезвредил четыре мины на нашем пути. Без слов и лишних движений. Благодаря ему мы не разлетелись по джунглям кровавым конфетти.

Деревья перед нами расступились, открывая бетонные руины старого каучукового завода. Облезлые стены, железные балки, изъеденные эрозией. Ржавое оборудование, задушенное лианами. В воздухе стоял тяжелый металлический смрад из смеси масла и плесени. Гражданская война превратила весь регион в пепел, а бедность и отчаяние — в идеальную почву для таких, как Маркес.

Четверо охранников патрулировали периметр. Я присел в подлеске и поднял руку, распределяя цели.

Ближайший ко мне облокотился на стену у входа, пялясь в телефон. Между его толстых пальцев догорала сигарета. На лице застыла похотливая ухмылка. Из динамика доносились стоны и ретро-музыка восьмидесятых. Свободной рукой он

мял свой член через ткань камуфляжных штанов.

Я беззвучно достал Ка-Ваг.

Один удар сердца.

Нож рассек воздух. Сталь поцеловала плоть, одним движением перерезав глотку и артерию. В горле забулькал влажный хрип. Кровь хлестнула на экран телефона темными глянцевыми полосами. Порно и смерть — поистине поэтический финал. Тело сползло по стене, как кусок туши.

Вокруг слышались приглушенные хрипы и глухие удары. Мы оттащили тела в подлесок, спрятав их среди корней. Мухи и насекомые разберутся с ними еще до рассвета.

Я шагнул внутрь здания и тьма поглотила меня. Глазам понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Сквозь заколоченные окна пробивались тонкие полоски света. Пыль маленькими призраками кружилась в воздухе. В центре зала зияла дыра с каменной лестницей, уходящей вниз. Оттуда доносились приглушенные голоса, отражаясь эхом от бетона.

Взорвать все к чертям было бы проще всего. Но внизу, по данным разведки, находились пленные. Люди из окрестных деревень, превращенные в рабов Маркеса.

Мы двигались бесшумно, прижимаясь спинами к стенам. Коридор внизу освещался тусклыми лампами. Где-то вдалеке гудел генератор. Дойдя до железной двери, Сеттер присел и достал компактный сканер. На экране появились силуэты. Четверо вооруженных солдат и еще десяток безоружных, сбившихся в кучу в дальнем углу.

Я кивнул.

Бигль выдернул чеку светошумовой гранаты, пнул дверь и бросил ее внутрь.

Клинк-клинк-клинк.

— ¡Qué demonios!

БУМ.

Помещение взорвалось ослепительной вспышкой и грохотом.

Я вошел первым, поднял ствол и завалил ублюдка слева двумя выстрелами в корпус. Третий патрон пробил его череп. Алая мгла осталась на стене.

Сеттер ушел вправо, его автомат зарычал короткими точными очередями. Бигль прикрывал нас сзади. Дым быстро заполнял пространство. Запах пороха смешался с вонью мочи и крови.

Маркос стоял в пяти шагах от меня. Я видел, как пот блеснул на его лбу. Его испуганный взгляд метался между мной и пистолетом на столе. Пальцы дернулись — он прыгнул.

Мой палец мягко нажал на курок.

Пуля отбросила его к стене. Он осел, оставляя за собой широкую красную полосу.

В наступившей тишине я медленно подошел ближе. Под ботинками хрустели гильзы и крошка бетона. Грудь Маркса еще судорожно поднималась. Он смотрел на меня и улыбался.

— Я знаю тебя... — прохрипел он по-английски. — Хэлл

Хаунд.

На моих губах мелькнула усмешка.

— О, приятно встретить фаната. Надеюсь, мой автограф тебе понравится.

Я выстрелил. Голова наркобарона дернулась назад, забрызгав стену мозгами.

— Чисто, — спокойно произнес Бигль. — У нас гражданские.

Луч фонаря Сеттера осветил десяток обнаженных женщин. Их тела покрывали синяки и химические ожоги. Одна из них, шатаясь, сделала шаг вперед. За ее спиной, вцепившись в худую руку, стояла девочка лет десяти.

— Por favor... No nos maten.

Я стиснул зубы. Ярость снова горячей волной поднялась по позвоночнику.

Я указал стволом на кучу одежды в углу.

— Vístanse. Los llevamos a casa.

Спутниковый телефон снова завибрировал. Один раз. Два. Три. Каждый звонок длился ровно тридцать секунд.

Дива знала, что я специально игнорирую. А я знал, как сильно это ее бесит. И это была моя любимая часть нашей игры. В гневе она трахалась как сумасшедшая, царапалась, кусалась и позволяла мне делать с ней все, что угодно, лишь бы выжечь всю злость.

Четвертый звонок. Пора. Я взял трубку.

— Ты специально это делаешь, да? — прошипела она.

Я выдержал паузу, наслаждаясь моментом.

— Я занят, — протянул я, усмехаясь при воспоминании, как в последний раз она перегнулась через стол, пока я входил в ее тугую задницу.

— Чуть собачья. Дело сделано?

Стальная нотка в голосе чуть смягчилась. Потому что Дива всегда оставалась прагматичной.

— Да. Маркос мертв. Девять гражданских вернулись домой. Можешь переводить оплату.

— Когда ты вернешься?

— Завтра утром.

— Передай мои поздравления брату, — промурлыкала она. — И загляни в офис. Твой бонус будет тебя ждать.

Линия отключилась раньше, чем я успел ответить.

Я отбросил телефон в сторону и сжал кулаки. Грязь и засохшая кровь все еще покрывали мою кожу. Пора было возвращаться к своей обычной жизни.

Глава 1. Оливия

Такси плавно остановилось на подъездной аллее перед особняком. Я вышла, бережно прижимая к груди вешалку с вечерним платьем. Водитель, мужчина средних лет с усталыми глазами и военной выправкой, достал мой чемодан из багажника и с профессиональной учтивостью отнес его к массивным парадным дверям.

Я улыбнулась, в который раз пораженная красотой этого места. Имение Экхардов было воплощением старомодной роскоши. Величественный особняк позапрошлого века тонул в зелени огромного парка, в сердце которого дремало большое зеркальное озеро.

Когда семья купила имение, оно находилось в ужасающем состоянии и больше напоминало декорации к готическому роману о вампирах, чем жилой дом. Экхарды вложили целое состояние в реставрацию, бережно сохранив каждую историческую деталь. Призраков, правда, вежливо попросили на выход.

— Я дома! — крикнула я. Голос разлетелся по залитому солнцем холлу и растворился в тишине.

Оставив чемодан у подножия мраморной лестницы, я направилась на кухню. Джун Экхард и ее помощница Конни Лопес двигались с отточенной годами точностью, одновременно управляя десятком блюд. Воздух был густым от

ароматов специй, шипящих на сковороде, свежее испеченного хлеба и карамелизованного сахара.

Золотистые лучи солнца лились сквозь панорамные окна в пол, играя бликами на белом граните. Над массивным кухонным островом висели старинные бронзовые светильники. Гладкие белые шкафы скрывали всю возможную современную технику.

У дальней стены стоял большой кожаный диван цвета молочного шоколада. Рядом — изящный чайный столик со стеклянной столешницей, на котором всегда лежало блюдо со сладостями. Здесь Джун проводила тихие утренние часы: с книгой в одной руке и дымящейся чашкой чая в другой.

Сегодня был очень важный день. Репетиционный ужин перед свадьбой Реджины Макаллен и Аполло Экхарда, который организовала Джун. Уже несколько недель весь дом жил в состоянии едва сдерживаемого безумия, и в центре него неизменно находилась Реджи.

— Мама Джун, — тепло поприветствовала я миниатюрную, безупречно одетую женщину и поцеловала ее в щеку. — Привет, Конни.

— Привет, милая, — лицо Конни озарила улыбка. Привычным жестом она поправила большие круглые очки на переносице.

— Я привезла подарки для твоих внуков. Кое-какие книги, одежду и игрушки. Оставлю в твоей комнате, — сказала я, опираясь ладонью о столешницу.

— Благослови тебя Господь, дитя.

Конни отдала поместьем Экхардов почти двадцать лет жизни. Они с Джун были практически неразлучны. Либо бок о бок у плиты, либо поглощенные вязанием.

— Нужна помощь? — спросила я и, не удержавшись, отправила в рот хрустящий кружок моркови.

— Нет, милая, — ответила Джун, помешивая жаркое. — А вот тебе, пожалуй, стоит пойти поискать Реджину. Последние три часа она носится по саду и бормочет себе под нос что-то несвязное.

Я приподняла бровь.

— Все еще?

— О да. Разыгрывает полноценную греческую трагедию в одном лице.

Я взяла еще пару ломтиков моркови и пошла в свою комнату.

В отведенной мне спальне я быстро распаковала вещи, аккуратно разложила их по полкам и повесила вечернее платье. Выглянув в окно, я заметила копну диких огненно-рыжих кудрей, мечущихся по саду. Схватив айпад со всеми заметками, списками и свадебными подборками из Pinterest, я спустилась вниз.

Реджина ходила кругами вокруг клумбы с розами, нервно наматывая растрепанные волосы на пальцы. Я опустилась на резную деревянную скамейку в тени вишни и стала наблюдать за ней с легкой улыбкой и едва заметным беспокой-

СТВОМ.

— Кажется, у меня паническая атака, — пробормотала Реджина, уставившись в никуда. — Или сердечный приступ. А может, и то, и другое одновременно.

— С тобой все в порядке, Редж. Просто дыши. Вдох носом, выдох ртом, — попыталась я ее успокоить, хотя прекрасно знала, что это бесполезно.

Наши жизни были переплетены с самого детства — соседние дома, общие праздники, поделённые пополам триумфы и провалы. Даже когда жизнь развела нас — меня в академию искусство, ее в юридический университет — мы изо всех сил держались за нашу невидимую, но крепкую нить дружбы. Реджина была мне как сестра. Поэтому, когда она попросила помочь с организацией свадьбы, я согласилась не раздумывая. Не только потому, что любила ее, но и потому, что мне отчаянно нужен был перерыв от работы в галерее.

— Я просто знаю, что что-то обязательно пойдет не так, — простонала подруга и с драматическим вздохом рухнула на скамейку. Палец сразу потянулся ко рту. Я шлепнула ее по руке, спасая двухсотдолларовый маникюр.

— Ты так говоришь перед каждым важным событием, и обычно все проходит идеально.

— Обычно, — эхом отозвалась Реджи, и в ее голосе наконец появилось немного спокойствия.

Ее роман с Аполло Экхардом перевернул весь ее мир. Она была центром его вселенной, единственным солнцем, ради

которого он готов был ослепнуть. Никого не удивило, когда во время поездки в Париж он опустился на одно колено.

Мои пальцы невольно коснулись холодного кольца на безымянном пальце с двухкратным бриллиантом, которое Мэтт надел на мою руку год назад.

Реджина прижалась виском к моему плечу.

— Что, если я не готова к замужеству?

— Ты готова. Просто пока не можешь поверить, что все это происходит по-настоящему.

— Черт..., — закрыла глаза Реджи.

— Кстати, я вчера заезжала на цветочную ферму, — я резко сменила тему и разблокировала планшет. — Твои полторы тысячи синих гортензий расцветут точно по графику.

— А примерка платья?

— Завтра.

— Торт?

— На следующей неделе.

— Погоди... я вообще утвердила окончательный дизайн торта?

— Да. Классический белый, украшенный голубыми цветами из масляного крема, — я подняла на нее взгляд. — Где Аполло?

Реджина вскочила со скамейки и снова начала метаться по дорожке, как разъярённая белка, перебравшая кофе.

— Поехал в аэропорт встречать Эрона. Этот придурок всю неделю держал Аполло на нервах. Тусовался на каком-то

чертовом острове.

Я усмехнулась. С Эроном Экхардом я не была знакома лично. Он постоянно мотался по миру, занимаясь «государственной работой и секретными операциями».

Реджина раздраженно вздохнула.

— Мне срочно нужна горячая ванна, пока не начали прибывать гости, — сказала она и си снова потянулась к ногтю.

Я встала и мягко оттянула ее руку.

— Пойдем, — дразняще прошептала я. — Я потру тебе спинку.

Ванная быстро наполнилась душистым паром. Несмотря на жару на улице, Реджина предпочла почти кипящую воду. Пахло лавандой. Капли со звоном стекали с бортика ванны на мраморный пол.

— Когда приезжает Мэтт? — спросила Реджи, сдувая с ладони горсть радужных пузырей.

Я сидела позади нее на бархатном пуфике, поджав ноги по-турецки, и осторожно разбирала спутанные пряди.

— Обещал быть прямо в день свадьбы, — пробормотала я, сосредоточившись на особенно упрямом колтуне. — Сказал, что ни за что не пропустит свадьбу года.

Реджина опустила руки в воду, поднимая облако пены.

— У вас... все в порядке? — осторожно спросила она.

Я замешкалась.

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

Реджи повернула голову. Мокрые пряди выскользнули из моих пальцев. Она посмотрела на меня так, словно она уже знала ответ и просто давала мне возможность солгать.

— Просто, когда он рядом, ты будто сжимаешься. Не позволяешь себе занимать пространство.

Я выдавила напряженную улыбку. Она попала в самую точку.

— Ты все выдумываешь, Редж.

— Как ты вообще можешь оставаться с этим мудаком после того, что он сделал? — Реджина наконец перестала подбирать слова.

— Мэтт поклялся, что все это неправда, — ответила я, но даже для меня мои слова звучали фальшиво.

Подруга фыркнула.

— Ты нашла трусы другой бабы в его кармане! Какие еще

доказательства тебе нужны?

— Он сказал, что это была дурацкая шутка его секретарши, — выдохнула я. Оправдания звучали все никчемней. — И уволил ее на следующий же день.

— Конечно, уволил, — ядовито ответила Реджи. — Надо же было выглядеть героем после того, как ты поймала его с поличным.

Я сама позволила Мэтту плести эту паутину лжи. Позволила целовать меня и шептать извинения. Слепо верила клятвам, что «больше это никогда не повторится».

Вода плеснула через край, когда Реджина резко развернулась и оперлась руками о бортик ванны.

— Ты понимаешь, что тебе необязательно быть с ним?

У меня сжалось горло.

— Я дала обещание.

— А как насчет обещаний, которые ты должна начать давать самой себе? Ты заслуживаешь лучшего.

Мой жених был восходящей звездой политики. Золотой мальчик влиятельной династии. Его отец-сенатор расчищал для него дорогу вверх по карьерной лестнице. Лицо Мэтта было везде: на первых полосах, на благотворительных снимках, в предвыборной рекламе. Он улыбался рядом с ветеранами, перерезал ленточки на открытиях больниц и безупречно идеально играл роль будущего лидера.

Я встретила его, когда мне было семнадцать. У меня была летняя подработка в художественной галерее, а его ко-

манда финансировала выставку картин о Гражданской войне. Он вошел в мою жизнь, окруженный ореолом уверенности и обаяния, и я потеряла голову, даже не успев это осознать.

Он был моей первой любовью. Моим первым... всем.

Мэтт оплатил мои последние два года в университете, скромно назвав это «вложением в свое будущее». С тех пор границы между любовью и долгом начали медленно стираться. Благодарность тала обязательством. Зависимость — виной. И где-то в этом тихом внутреннем крахе я убедила себя, что без него я — никто.

Реджина молча взяла мою ладонь и прижала к своей влажной щеке, мягко возвращая меня в реальность.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива, — солгала я.

Глава 2. Эрон

Аполло встретил меня у выхода из зоны прилета. Послушный младший брат широко улыбался и держал у руках табличку с моей детской фотографией, на которой я сидел на горшке и плакал.

— А я надеялся на ледяное пиво и полуобнаженных девушек, — бросил я, на ходу закидывая дорожную сумку на плечо.

— Прости, чувак, но они задохнулись в багажнике, пока я стоял в пробке, — парировал Аполло и крепко обнял меня.

Пока мы шли на парковку, я невольно отметил, как сильно изменился брат за последний год. Набрал массу, стал шире в плечах. Его идеально сидящая рубашка выгодно подчеркивали накаченные, загорелые предплечья. Он был на четыре года младше и на пару сантиметров ниже. В отличие от меня, он с отличием окончил Гарвард и занял кресло генерального директора семейной империи. Управлял ею с той же железной хваткой, какая когда-то была у отца.

От папы мы оба унаследовали пронзительные голубые глаза. Только волосы у Аполло были светлыми. Из-за этого он походил на ангелочка с картин эпохи Возрождения. Люди начинали доверять ему еще до того, как он открывал рот. Компания процветала и, черт возьми, я им невероятно гордился. Он стал именно тем, кем наш старик хотел видеть нас

обоих. Тем, кто оправдал все его надежды.

— Новый имидж? — Аполло с усмешкой провел ладонью по моей трехдневной щетине.

— Решил, что так я выгляжу солиднее, — ухмыльнулся я. — Не парься, я побреюсь перед ужином. Не хочу пугать твоих будущих новых родственников.

— Вот уж сделай одолжение. Бабушка Реджи и так уверена, что ты наемный убийца.

— Я и есть наемный убийца.

Аполло закатил глаза и нажал на брелок. Двери роскошного белого «Мерседеса» мягко щелкнули.

— Запомни: на предсвадебном ужине ты не киллер, а приличный брат жениха.

К тому времени, как мы добрались до поместья, солнце почти скрылось за горизонтом, заливая все вокруг теплым медово-янтарным светом. Дом уже был полон гостей. Смех, голоса, насыщенный запах домашней еды и выдержанного вина.

Гостиная пахла розами. Это был фирменный штрих мамы. Благородный, утонченный аромат создавал мягкую, почти романтическую атмосферу. Она выращивала цветы в массивных глиняных горшках в саду и заносила их внутрь для особых случаев.

Я всегда поражался, как ей удается держать в идеальном порядке наш огромный дом всего с двумя постоянными помощниками — Конни, которая была скорее подругой, чем

домработницей, и ее мужем Леоном, отвечавшим за сад и всю тяжелую работу.

— Мама наверху, — крикнул Аполло через плечо, направляясь к гостям. — Я пойду найду Реджи. Встретимся через тридцать минут.

Я поднялся по лестнице, толкнул дверь своей комнаты и бросил сумки в угол. Дойдя до конца коридора, я постучал один раз в родительскую спальню и, как всегда, вошел, не дожидаясь ответа.

За последние двадцать лет здесь ничего не изменилось. Та же массивная деревянная кровать, те же старые комоды, забитые клубками разноцветной пряжи. Стены превратились в коллаж из семейных фотографий: мы с Аполло в строгих костюмах, дни рождения, Рождество, поездка на пляж в Аутер-Бэнкс, где брат сломал ключицу, пытаюсь впечатлить местную девчонку. У окна стояло старое кресло-качалка отца. Потертое, слегка покосившееся, но все еще крепкое. Мы не раз предлагали маме обновить спальню. Но она всегда отказывалась. Говорила, что воспоминания, живущие в этих стенах, помогают ей держаться на плаву.

— Сынок!

Знакомый голос вывел меня из задумчивости. Из ванной вышла мама — элегантная, собранная, в длинном вечернем платье. Нитка белого жемчуга на шее, темные волосы убраны в идеальную высокую прическу. Время едва коснулось ее. Она до сих пор выглядела как изящная копия Одри Хепберн.

Я не удержался и подхватил ее на руки, легко приподняв над полом.

— Привет, ма, — сказал я, целуя ее в обе щеки.

Джун отстранилась и прищурила проницательные глаза. Ее острый взгляд моментально изучил меня с головы до ног.

— Сбрей это, — безапелляционно заявила она.

— Я подумаю, ма.

Она взяла мое лицо в ладони и принялась внимательно изучать, наклоня голову то так, то эдак.

— Ты выглядишь уставшим, — обеспокоенно произнесла она. — Больше похож на человека, который закапывал трубы.

— Со мной все в порядке, ма, — я ловко выскользнул из ее рук, как делал всегда, когда она пыталась задушить меня своей материнской любовью.

Мама повернулась к трюмо, открыла помаду и аккуратно подкрасила губы.

— Скажи, что на этот раз ты задержишься подольше.

— Если ты пообещаешь кормить меня своей домашней едой, — подмигнул я, вставая за ее спиной.

— А ты пообещай починить беседку в саду, — парировала она. — Ее построил твой отец. Я хочу, чтобы вы с Аполло вернули ей прежний вид.

— Не волнуйся, ма. Мы об этом позаботимся, — легко согласился я и поцеловал ее в щеку. — Мне нужно принять душ. Увидимся внизу.

— И сбрей это со своего лица! — крикнула она мне вслед.
— Ты выглядишь как чертова щетка для мытья полов.

Час спустя мы с Аполло стояли в гостиной, наблюдая, как смех и звон бокалов сливаются с приглушенной музыкой. Я рассказывал брату о том, что произошло в джунглях, не опуская даже самых кровавых деталей. С каждым словом брови Аполло сдвигались все сильнее, а пальцы сжимали бутылку пива так, будто он собирался ее раздавить.

— Ты просто гребаный псих, — тихо пробормотал он. — Ты не можешь продолжать работать с неполноценной командой. Сет и Финн — профессионалы, но тебе критически не хватает четвертого.

Я позволил взгляду скользнуть по толпе, потеряв желание снова вести этот разговор.

— У нас есть четвертый. Просто он решил, что сидеть в уютном кабинете приятнее, чем валяться в грязи и каждую секунду рисковать получить пулю в лоб.

Аполло резко выдохнул и отвернулся.

— Ты прекрасно знаешь, почему я ушел.

— Знаю, — я одним глотком допил виски. — Но я также знаю тебя. Знаю, как у тебя горят глаза, когда мы работаем вчетвером. И как сильно ты по этому скучаешь.

Я поставил пустой стакан на поднос официанта и встретился взглядом с братом.

— Поэтому я подожду, пока ты не будешь готов вернуться в стаю.

Аполло фыркнул, но спорить не стал.

Когда-то нас было четверо — Сеттер, Бигль, Хаунд и Шеппард. Аполло был мозгом команды, гениальным стратегом. Я — его молотом. Но однажды его план провалился. Одна ошибка, и мы оказались в шаге от смерти в богом забытом углу Африки. Никто из нас не винил его. Это была часть работы. Но Аполло так и не смог себя простить. Он ушел. Я понимал, что трое — уже не команда. Но сколько бы я ни искал замену брату, четвертое место оставалось пустым.

Аполло молча сунул мне в руку новый стакан виски. Я выпил его залпом, наслаждаясь обжигающей волной по горлу. И в этот момент, когда я меньше всего ожидал, я ощутил мощный удар под дых.

Она стояла к нам спиной, изящно выставив бедро, погруженная в разговор с мамой и Реджиной. Длинные пальцы с идеальными черными ногтями обхватывали ножку бокала с шампанским. Черное платье до колен плотно облегалo тело. Узкая талия, соблазнительные бедра, длинные подтянутые ноги. Прошло немало времени с тех пор, как у меня был секс, и я гордился своей выдержкой. До этого момента. Мой член уже решил, что прелюдия — это переоцененная хрень.

— Кто эта пара ножек рядом с ма? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Аполло проследил за моим взглядом.

— Это Оливия. Лучшая подруга Реджи, — имя слетело с его языка с нежностью. — Она отказалась от хорошего пред-

ложения из галереи «Метрополитен», чтобы быть рядом с Реджи. Моя невеста сходит с ума, чем ближе свадьба, а Лив единственная, кто держит ее в здравом уме. Она — мой личный ангел-хранитель.

Я уже почти не слушал брата. К их компании присоединился дядя Джек, и Оливия повернулась. Мое дыхание застряло в горле. *Я в полной заднице.*

Черные глаза, как небо в безлунную ночь. Мягкие губы. Ее улыбка разожгла во мне что-то первобытное. Она была совершенством. Идеальным оружием, созданным, чтобы меня погубить.

— Да, чувак... Ты в жопе, — тихо пробормотал я сам себе под нос.

Оливия что-то рассказывала дяде, живо жестикулируя. Высокий хвост раскачивался из стороны в сторону, как маятник, гипнотизируя меня. Я уже представлял, как наматываю ее волосы на кулак, запрокидываю голову и трахаю так, чтобы она могла только умолять.

Умолять остановиться.

Умолять не останавливаться.

Умолять о большем.

Аполло вздохнул, допивая пиво.

— Я даже не хочу думать, какой Реджи будет, когда забеременеет.

Я ухмыльнулся.

— Ты уже распланировал всю жизнь с будущей миссис

Экхард?

Брат рассмеялся и ударил меня по плечу.

— Ты так говоришь, потому что еще не нашел свою женщину. Поймешь, когда встретишь ту, с которой захочешь делать маленькие копии себя.

— Сомневаюсь, что этому миру нужны мои мини-копии, бегающие повсюду.

— Ты себя недооцениваешь, чувак.

Может, и так. Но одно я знал точно: Оливия только что стала серьезной, опасной и крайне трахабельной проблемой.

Я схватил еще один стакан и горсть спелого винограда, на ходу подбрасывая ягоду и ловя ее ртом.

— Пойду покурить. Не говори ма.

Я вышел на широкий балкон, с которого открывался вид на ночной сад. Каменная ограда утопала в розах. Их густой сладкий аромат висел в прохладном воздухе. Я отступил в тень, достал сигарету и щелкнул зажигалкой. Пламя на секунду осветило лицо, прежде чем я сделал глубокую затяжку.

По каменному полу медленно поползла тень и резкий стук каблучков нарушил тишину. Оливия вышла на балкон с сигаретой, зажатой между губ. Она затянулась, выпустила дым в ночное небо. Поставив бокал на перила, она поставила локти на камень, выгибая спину.

Я не шевелился. Молча докурил сигарету, пряча окурки в цветочный горшок. С уликами разберусь позже.

Оливия провела кончиками пальцев по лепесткам роз, задумчиво перекатывая их. Потом, словно потеряв интерес, затушила недокуренную сигарету и залпом допила шампанское.

— Для такого тела ты слишком мало ешь и слишком много пьешь, — сказал я, выходя из тени.

Оливия вздрогнула. Испуганные глаза мгновенно нашли

меня в темноте, и шок тут же сменился колючим раздражением.

— Боже, ты до смерти меня напугал, — она прижала руку к груди. — И с какого хрена тебя вообще волнует, сколько я пью?

Я сделал шаг вперед, нависая над ней.

— Просто не хочу, чтобы тебе было неловко, когда ты проснешься завтра утром в моей постели, — тихо сказал я.

Губы Оливии приоткрылись. Дыхание сбилось. Какой бы острый ответ она ни готовила, он умер, так и не родившись.

— Этого никогда не случится, — раздраженно бросила она.

Я прислонился к ограждению балкона с безразличным видом и бросил в рот еще одну виноградину.

— Твое тело лжет хуже, чем твой красивый рот, — сказал я, скрещивая руки на груди. Кашемировый свитер обтянул мышцы, что привлекло взгляд Оливии. — Сердце колотится как бешеное. Ногти впиваются в ладони. И ты все время прикусываешь нижнюю губу.

— Что, ты теперь, блять, доктор? — процедила она сквозь зубы.

Черт, как же мне нравится, когда она заводится. Я хотел попробовать ее гнев на вкус, прижать к матрасу и вытрахать из нее всю эту злость.

— Не совсем, — моя ухмылка стала шире. — Хочешь виноградину? Лови.

Я подбросил ягоду и она пролетела мимо ее лица, исчезая в темноте. Оливия медленно повернулась ко мне. В уголках ее губ дернулось что-то похожее на улыбку.

— Ты ебнутый, да?

— Может быть. Давай попробуем еще раз.

Вторая ягода полетела в ее сторону. Но на этот раз Оливия резко дернула головой и поймала ее зубами.

— Ха! С первой попытки! — торжествующе выдала она с набитым ртом.

Я одобрительно хмыкнул и понизил голос.

— Ну надо же. Ты так быстро учишься. Хорошая девочка.

Улыбка мгновенно слетела с ее лица. Брови гневно сдвинулись.

— Слушай сюда, ты высокомерный кусок дерь...

— Эрон, дорогой, — раздался за спиной голос мамы. — Бери Оливию и идите внутрь. Репетиция вот-вот начнется.

Кровь отхлынула от лица Оливии, когда до нее дошло, кто я такой. С ядовитой грацией она развернулась на каблуках, скинула подбородок и, покачивая бедрами, пошла за моей матерью.

Я едва сдержал смех.

Вечер обещал быть куда интереснее, чем я думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.